

Уб.О

Т Михайло Чабанівський
**ТРУДОВАЯ
ДОБЛЕСТЬ**

ГЕРОИ
И
ДОЯНКИ

Дважды Герой Социалистического Труда
Мария Харитоновна Салченко

ГЕРОИ
И ПОДВИГИ

Михайло Чабанивский

ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ

БИБЛИОТЕКА
М. Исторического
С. Г. ТЕХНИКУМА
Inv. № 52808

МОСКВА
Государственное Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1961

На Украине, на Сумщине, есть село с причудливым названием — Токари-Бережки. Когда-то это был глухой уголок, затерявшийся в лесах и лесах. Только изредка окрестности оглашались лаем собак и криками егерьей: это к графу Капнисту, владельцу здешних мест, приезжали на охоту гости из Петербурга.

В наше время Токари-Бережки известны далеко за пределами Украины: здесь трудится замечательная мастерица, знаменитая украинская доярка Мария Харитоновна Савченко. Очерк украинского писателя Михаила Чабановского рассказывает о трудовой доблести этой простой женщины-крестьянки, шше дважды Героя Социалистического Труда.

Брошюра рассчитана на массового читателя.

Отзывы и пожелания просим направлять по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Госполитиздат, редакция литературы по истории советского общества.

Чабановский Михаил Иванович

ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ. М., Госполитиздат, 1961.
32 с. с илл. (Герои и подвиги.)

636.2

Редактор Л. Горюнов

Художник А. Соколов

Художественный редактор Н. Симонов

Технический редактор Ю. Мухом

Корректор Э. Проценко

Сдано в набор 3 мая 1961 г. Подписано в печать 8 июля 1961 г.
Формат 84 × 109 мм. Физ. печ. л. 1. Условн. печ. л. 1,64. Учетно-изд.
л. 1,5. Тираж 27 тыс. экз. А 03612.
Заказ № 2826. Цена 3 коп.

Госполитиздат, Москва А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

Итак — в дорогу! До города Сумы — поездом, потом до районного центра — на попутной машине. Вот и Лебедин, о котором так много говорят и пишут. Это центр разведения знаменитой лебединской породы коров. Беседую с руководителем племенного рассадника Григорием Афанасьевичем Кириченко, с секретарем райкома партии. Все, с кем бы я ни начинал разговор о животноводстве, о молоке и мясе, сразу же упоминают имя Марии Савченко, знатной доярки Сумщины...

Решаю идти в село Токари-Бережки пешком. Тут недалеко — вои за теми синими лесными полосами и начинаются угодья артели имени Ленина, где живет и трудится Мария Харитоновна Савченко. До укрупнения колхоз носил название «Червона зоря».

Местный крестьянин-старичок, оказавшийся попутчиком, на мой вопрос, почему село имеет двойное название, ответил:

— В единении — сила. Слыхали такие слова?..

— Слышал, но хотел бы уточнить: что, объединились два колхоза?

— Нет, два хутора. Давно это было, еще незаможники решали этот вопрос. А вы что, к Марии Савченко?

— А почему вы так думаете?

— Много людей к ней ходит. Со всей Украины. А если точнее сказать — со всего Союза. Не бывает дня, чтобы какая-нибудь делегация не приезжала сюда. Хоть строй гостиницу. А ведь когда-то это был глухой угол, пески, леса, бездорожье. Редко, правда, к графу Калинсту приезжали гости из Петербурга, поохотиться. Теперь же вот простые люди к нашей простой доярке ездят...

Слушая своего попутчика, вспоминаю слова, сказанные в райкоме партии:

— Всем хочется познакомиться со славной дояркой, всем хочется поучиться у нее, вот люди и едут сюда или пишут ей. Сотни писем ежедневно получает. Пишут из Полтавщины, из Брянщины, с Урала...

— Простая, скромная, работающая,— продолжает мой попутчик,— руками своими весь край наш прославила, далеко прославила. Говорят, даже в Болгарии, в Германии знают ее и перенимают опыт. Вот какая наша Мария Харитоновна.

Простая, скромная, работающая! С какой гордостью произносит он эти слова! Ему, видимо, очень нравится, что в село Токари-Бережки приезжает так много людей. Он и сам не прочь похвалиться славой своих земляков-животноводов и показать, что эта слава вполне заслуженная.

— Чтобы вы знали точно, каким было наше село до революции, вернее не село, а хутора Токари и Бережки, то почитайте Панаса Мирного. Он тут недалеко от нас родился и вырос, почитайте. Вы ведь, должно быть, корреспондент?

Тепло прощаюсь с разговорчивым и добрым человеком.

...Белокурая девушка-счетовод, похожая на десятиклассницу, сказала, что Мария Харитоновна сейчас на партийном собрании. Направляюсь в клуб, жду перекура. Я никогда раньше не видел Марии Савченко, но знаю ее по портретам. Вот почему, когда раскрылись двери и на пороге клуба появились три женщины, я сразу узнал среди них героиню.

Даем побеседовать с Марией Харитоновной не пришлось. Она сказала, что занята неотложным делом, попросила меня подождать до вечера и предложила:

— Идите ко мне домой, пообедайте, отдохните. Дома никого нет, но хата открыта. Так что хозяйничайте, пока приду.

...Тихие, чистые улицы. Вот и дом Савченко. Захожу в светлую комнату. Чисто, уютно, на столе книжки и журналы. Знакомлюсь с местной газетой... Передлистываю альбом. В нем больше всего газетных фотографий: Мария Савченко на ферме, на слете передовиков района, в театре, на выставке в Москве. А вот она в Болгарии. На широком дворе полно людей, посредине стоит корова,

Мария Харитоновна доит ее. Тут же в альбоме лежит номер болгарской газеты. Вот что рассказывала газета о поездке Марии Савченко в Болгарию.

«Знакомясь с жизнью трудящихся Болгарии, украинская доярка главное внимание обращала на труд животноводов, особенно доярок коллективных хозяйств. Выяснилось, что в Болгарии имя Марии Савченко пользуется популярностью: не было такой доярки, которая не тала бы в газетах и журналах об опыте ее работы. Все наперебой приглашали знатную гостью посетить коллективистов, рассказать о себе и об Украине. Когда Мария Харитоновна была в селе Куртово-Конаре, Пловдивской околии, местные доярки попросили ее показать, как нужно «по-стахановски» доить коров. Мария Харитоновна согласилась.

В широкий двор вывели рябую корову, подали Марии Савченко ведро. Сотни людей с интересом смотрели на прославленную советскую доярку: как будет она доить незнакомую корову? Волновалась и Мария Савченко. А что, если не дастся корова? А тут еще кинооператор вертится, прожектор наводит...

Мария Харитоновна неторопливо надела чистый халат, попросила мыла, воды, полотенце. Вымыв чисто руки, подошла к корове, погладила ее, потом вымыла вымя, сделала массаж и начала доить. И надоила молока на двести граммов больше, чем надаливали болгарские доярки. Героиню приветствовали бурными аплодисментами, коллективистки целовали ее, как родную сестру».

В этой же газете было помещено изложение речи Марии Савченко на митинге в Софии, где она говорила о счастье свободного труда в социалистическом мире, о борьбе за мир. Это была простая и мудрая речь человека, знающего цену людскому счастью и знающего, как это счастье нужно защищать.

• • •

Поздно вечером вернулась Мария Харитоновна с мужем домой. Я сказал хозяйке, что посмотрел альбом и газетные вырезки.

— Значит, недаром провели время,— улыбнулась Мария Харитоновна.

В это время в хату вошла старая женщина из соседнего села, у нее важное дело к Марии Харитоновне как депутату Верховного Совета: кто-то не выдал старушке нужной справки, и поэтому она не может получать пенсию, кто-то из работников райисполкома не выслушал внимательно, вот она и пришла просить помощи у своего депутата. Я прислушиваюсь к разговору депутата со своим избирателем и думаю: разве возможно увидеть такое в странах капитала? Разве могут там рядовые люди поздно вечером прийти на квартиру к депутату парламента и вот так запросто рассказать ему о своих нуждах? Нет, такого там не увидишь. Это возможно лишь в нашей Советской стране и других социалистических странах, где власть безраздельно принадлежит народу, трудящимся.

Мария Харитоновна, выслушав жалобу, подошла к телефону и позвонила в райисполком.

— Поздно уже, Мария Харитоновна,— вмешиваюсь я в разговор.— Никого уже в райисполкоме нет...

— Позвоню на квартиру председателю, женщине нужно помочь.

И помогла, конечно.

— Часто вам приходится принимать избирателей? — спрашиваю у хозяйки. Она молча показывает на столу писем, аккуратно сложенных в шкафу.

— Я люблю эту работу. Ведь люди идут к нам с доверием и надеждой... Что может быть выше, чем служение людям?

Служение людям... Хорошие слова. И как полно эти слова характеризуют Марию Савченко, замечательную женщину, безгранично преданную нашей партии и народу. Как она росла и воспитывалась, как стала знатным человеком страны?

Сама Мария Харитоновна говорит об этом скупно, неохотно. И выручили меня земляки ее, охотно рассказавшие о славных ее делах.

Вот эти рассказы, записанные мною из живых уст.

— Вы уже знаете, что наше село зеленое, живописное, потому что лежит оно вблизи тихой, чарующей реки Псел. Тут мы все росли, тут учились, тут впервые узнали радости новой жизни. Ведь наш колхоз еще до войны славился, и не было года, чтобы мы не ездили в Москву

на выставку. В сорок первом году колхоз был как маковка полная — живи и живи на радость. А тут такое горе — война. Ринулись немцы на нашу землю, дымом пожаров затянуло небо...

Пришел приказ из самой Москвы — уберечь наших коров, рекордисток. Должны были нам дать специальные вагоны, чтобы вывезти животных в глубь страны, но война перепутала планы. Пришлось гнать стадо по дорогам...

Колхозники понимали сложность задания. Кого поставить к коровам, кому поручить сохранение наибольшего нашего богатства? Для этого дела нужны были люди, которые могли бы на время совсем забыть о своем личном и думать только об общественном. В далеком и тяжелом пути может быть все: и отсутствие кормов для животных, и бомбежка, и болезни... У нас было достаточно хороших скотоводов, которые пользовались доверием и любовью у колхозников. Им и поручили. Среди них была и молодая телятница Мария Савченко.

Нелегко человеку покидать родные места, где когда-то бегал босиком к реке и слушал соловья, где впервые полюбил. А Марин еще тяжелее было — она оставляла в селе свою старую, немощную мать. Брела за стадом, кулаками утирала слезы.

Рядом шли доярка Параска Клименко и дед Звягольский, один из основателей колхоза. Параска не выдержала, оглянулась и, увидев белеющую среди сосен родную хату, зарыдала:

— Куда мы идем? Погибнем сами и скотину не убежим.

Мария нашла в себе силы, чтобы ответить:

— Мы еще вернемся! Наступит время — будем гнать своих коров назад, обязательно будем. А идем мы, Пашенька, не к чужим ведь, а к родным русским людям.

Путь лежал через Белгород, Лиски и дальше...

Впереди Дон, зимовка в неизвестном месте. А тут еще дороги забиты военными машинами. Гнали скот по степи, оглядываясь назад, где пламенело пожарами небо. Отдыхали накоротке, чтобы только подонт коров, напоить их. Молока было много — не знали, куда сливать. Тогда решили отдавать его детям, которые вместе с матерями уходили от врага на восток.

Ночевки были тревожные, беспокойные. По очереди дежурили, чтобы коровы не разбрелись, костров не разводили, чтобы не привлечь вражеские самолеты. И все же однажды фашистские летчики обстреляли коров. Хорошо, что ни одна пуля не попала. Но это было предостережением. После этого гнали коров балками и оврагами. У деда Звягольского разлезлись сапоги, у Марии и Параски появились раны на ногах. Шли по восемь — десять километров в сутки.

Легко вздохнули, когда почувствовали, что фронт остался далеко позади. Но начались дожди, и как жаль было смотреть на утомленных, мокрых, еле двигающихся коров. Рекордистки подходили к погонщикам и жалобно мычали...

Ох и трудные были тогда дни и ночи! Не хватает слов, чтобы рассказать об этом. И вдруг — радость: неожиданно встретились со старшим зоотехником колхоза С. М. Гайдашем и директором племенного рассадника Г. А. Кириченко. Они гнали большое колхозное стадо овец, телят и бычков. Каким счастьем засветились глаза Марии! Теперь уж рекордистки будут спасены. Погонщиков стало больше, да и каких погонщиков!

Григорий Афанасьевич Кириченко предложил гнать коров ночью, а днем отдыхать. И сразу стало легче. Днем коровы паслись в балках и хорошо наедались, а ночью, в полной безопасности, переходили дальше. И все же животные начали болеть. Некоторые уже не могли подниматься. Таких коров пришлось оставлять в колхозах. Передавая заболевшую рекордистку председателю колхоза, Кириченко говорил:

— Берегите ее — она лебединской породы. Слыхали о такой? Хорошо, что слыхали. Берегите же, она вам принесет много добра.

Осень 1941 года началась заморозками с холодными ветрами. На стадо напала беда — ящур. У коров появились во рту раны. Животные плохо ели, начали худеть. Загоревала Мария. Недосыпала, все ходила за коровами. А тут еще отелилась рекордистка Зоя. Пришлось остановиться на целый день: корова должна отдохнуть, набраться сил. Мария принесла ей теплое пойло, макухи. Теленка вымыли, положили на воз. На следующий день опять тронулись в путь.

Наступала зима. Снежная пелена покрыла степь. У встречных спрашивали о состоянии на фронтах. Однажды красноармеец дал Марии листовку. У него радостно блестели глаза, и он не удержался, чтобы не крикнуть:

— Почитай, молодичка, порадуйся, наша берет!

К Марии подбежали все погонщики. Дрожащими губами она прочтала:

— Разгром немцев под Москвой...

У всех на глазах выступили слезы счастья.

В этот день рекордистка Оська принесла бычка. И в честь победы над врагом бычку дали кличку Отбой. Теперь на возу было уже два породистых теленка.

Стали на зимовку. В воронежском колхозе «Правда» украинских животноводов встретили радостно, как родных. Для скота выделили хорошие, теплые помещения, всех людей разместили в домах. Кириченко и Гайдаш организовали занятия кружка зоотехники. Мария старательно готовилась стать дояркой.

Перезимовали, уже мечтали о скором возвращении домой, но вдруг опять печальное известие — враг прорвался на юге страны, двинулся на Кавказ и к Сталинграду. Из Москвы пришел приказ — продвигаться дальше. И опять разбитые, размешанные танками и тягачами дороги, опять борьба за жизнь каждой рекордистки, опять изнуряющие иочевки в степи... Через Дон переправлялись ночью, под гром бомбардировки.

Вот наконец и Вольск. Скот разместили в помещениях ветеринарного техникума. Здесь у коров-рекордисток появилось уже немало телят. Как-то Кириченко сказал Марии Харитоновне:

— Вижу, как ты ухаживаешь за рекордистками, это доброе дело, будешь хорошей дояркой. Но сейчас тебе нужно взять под свою опеку молодняк. Будущее нашей лебединской породы зависит от судьбы этих телят. Сбережем их — сбережем породу. Словом, поручаем тебе телят. Ведь в свое время ты была лучшей телятницей в колхозе.

Нелегко было Марии разлучаться с коровами, которых она полюбила, изучила, с которыми столько натерпелась в дороге. Уже подумывала о будущих рекордных надоях, а тут на тебе — бросай все и опять возвращайся к телятам. Как же так?

Кириченко помолчал, а потом ответил:

— Интересы колхоза, государства важнее.

— Этого было достаточно, Мария согласилась.

Мария сберегла все молодое поголовье, вырастила его, а через год вернулась в свое родное село и сдала колхозу. Счастливым то был день возвращения, забываемое время! Колхозники горячо благодарили Марию, обнимали и целовали ее.

— Не меня благодарите,— отвечала Мария,— людей русских — это они помогли нам.

...Вместе со своими земляками Мария Савченко принялась за восстановление колхоза. Став дояркой, она задалась целью добиться наиболее высоких удоев молока и отдавала уходу за коровами все свои силы.

— Вот если бы написать о Марии Харитоновне повесть,— сказала мне учительница, односельчанка Савченко,— интересная книга вышла бы. Книга о мужестве, упорстве, уме человека... Вы думаете, легко было Марии Харитоновне стать передовой дояркой? Имейте в виду, что у нее тогда не было еще и среднего образования. Но она хотела учиться, а это главное... Прочтет в газете заметку о доярке, получающей высокие удои, сразу шлет ей письмо, просит помочь советом.

Но этим не ограничивалось учение мастерству. Любознательная доярка добилась того, что правление колхоза отправило ее в поездку по республике. Побывала в Черниговской области, в соседней Харьковской, потом поехала в Воронежскую. Мария Харитоновна лично познакомилась с передовыми доярками и многому научилась у них.

Теперь Мария Савченко знала, что успех доярки состоит из многих слагаемых, даже из таких, которые на первый взгляд и не имеют прямого отношения к ее работе. Надо знать, например, когда случать телку, как подготовить отел, как и чем кормить первотелку на протяжении года. Особое внимание следует уделять кормлению коров. Суточный рацион коровы должен быть составлен так, чтобы она получала самые разнообразные

корма, чтобы в них было вдоволь и белков, и витаминов. Некоторые животноводы считают, что летом не обязательно подкармливать дойных коров — вон сколько пастбищ. Опыт лучших доярок подсказал: хочешь повышать удои — организуй летнюю подкормку.

Корове нужно круглый год давать зеленые растительные корма: летом — свежие, зимой — силосованные. В то время передовые животноводы именно так и организовали кормление. Мария Харитоновна использовала этот опыт. На специально отведенных участках сеяли рожь, травы, корнеплоды. И весной дойные коровы не только паслись на лугах, но подкармливались зеленой рожью. В июне для них косили эспарцет, позже — вико-овес, потом им давали суданку. Осенью поспевали кукуруза, тыква, кормовая свекла, морковь, картофель.

Во многом помог доярке колхозный зоотехник Семен Макарович Гайдаш. Стараясь улучшить поголовье скота на ферме, он постоянно заботился о создании запаса кормов, об организации правильного кормления коров.

Изучая опыт других доярок, Мария Савченко пришла к выводу, что нарушение режима кормления коров непременно приведет к снижению удоев. Об этом ей всегда напоминал такой случай. Доярка Федора Мельник из соседнего колхоза почти все лето надаивала в среднем по 10—12 литров молока в сутки от каждой коровы. И вдруг удои резко уменьшились — до пяти литров. Доярка всполошилась. Но она скоро отгадала причину: коровам перестали давать зеленые корма. Приняли срочные меры, но прежнего удоя тем летом уже не удалось достичь — коровы не давали больше восьми литров.

А как важно учитывать при кормлении индивидуальные особенности коров. Для Марии Харитоновны это не было трудностью. Ведь многие коровы выросли из телят, за которыми она ухаживала. Однажды она засыпала животным толченых жмыхов и заметила: корова Тыша не ест. Вспомнила Мария, что Тыша, еще будучи телкой, не любила сухих кормов. Доярка смочила жмыхи теплой водой, и корова стала жадно есть. А вот другие коровы предпочитают только сухие жмыхи.

Но одного кормления, даже правильного, еще мало для того, чтобы добиться рекордных удоев. Очень большое значение имеет в этом деле уход за коровами и их

содержание. Учитывая это, Мария Харитоновна навела в коровниках такую же образцовую чистоту, какую соблюдала прежде в телятниках. Она добилась того, чтобы помещение хорошо освещалось, а зимой утеплялось. Особое внимание стала уделять стельным коровам: кормление их проводила по строгим рационам, разработанным учеными-животноводцами, в кормовой рации включала и такие необходимые вещества, как костяная мука, мел и соль. Доейне стельной коровы прекращала заблаговременно, резко уменьшая при этом количество молокогонных кормов.

Доейне — самый важный момент в работе доярки. Мария Харитоновна надевает чистый халат, тщательно моет руки мылом. Потом подходит к корове, теплой водой обмывает вымя, насухо вытирает его чистым полотенцем. После этого делает плавный массаж и начинает доить. Доит она быстро, кулаком (автодоилки еще впереди!), сперва передние, затем задние соски. И снова — массаж. Перед окончанием доения еще делает массаж, на этот раз энергичнее, и выдаивает последние, самые жирные остатки молока. Массаж вымени коровы — веруемое правило Марии Савченко.

Налаживалась жизнь села, колхозники строили электростанцию, возводили хозяйственные постройки и жилые дома, расширяли посевную площадь артели, повышали урожай и пополняли животноводческую ферму.

В колхоз часто приезжал директор государственного племенного питомника Кириченко, давал советы. В селе да и в районе уже знали, что молодая доярка взяла обязательство добиться высокого удоя от своей группы коров. А обязательство ее для того времени было высоким — по четыре тысячи литров на корову!

И вот закончен год, подведены итоги. По 4567 литров надоила Савченко от каждой из восьми закрепленных за ней коров! Большая победа. Ведь это было в 1945 году...

Пришла первая, пока еще не громкая слава. Иному она кружит голову, а Мария Савченко неохотно отвечала на вопросы корреспондентов, стеснялась позировать перед фотоаппаратом. Ведь сделано только начало...

Прошел еще год, и снова победа! Газеты сообщили, что Савченко надоила от каждой коровы по 5301 литру!

М. Х. Савченко показывает молодым животноводкам
приемы массажа вымени коровы перед дойкой

Известно, что на Украине много тысяч доярок. Это огромный отряд передовиков социалистического животноводства, от которого зависит повышение продуктивности коров. Все эти люди, узнав о достижениях Савченко, хотели лично увидеться с ней или хотя бы получить от нее письмо. Много возникало у них вопросов, и они обращались за советами к Марии Савченко. Как лучше раздаивать первотелок? За сколько дней до отела прекращать доение коровы? Всем ли коровам даются одинаковые рационы кормов? Как Савченко организует прогулки животных зимой?

Со всех концов республики в Токари-Бережки шли письма. Преподаватель Харьковской школы руководящих колхозных кадров Гаенко сообщал в письме, что собирается приехать к Марии Савченко с группой слушателей. Цель приезда — изучить опыт работы знатной доярки. Приезжали и без предупреждения. Однажды в дом вошла знакомая по газетным фотографиям женщина. Это была Ефросиния Шкулипа, заведующая животноводческой фермой колхоза Конотопского района.

— Прочитала статью о ваших успехах, Мария Харитоновна, взяла билет на поезд — и прямо к вам. Извините, что не предупредила заранее, — говорила гостья.

В тот же вечер, как только Мария Харитоновна пришла с фермы домой, прибежал дежурный по правлению колхоза:

— Из Прилук приехали, хотят непременно сейчас видеть вас...

Заехал в Токари-Бережки секретарь райкома партии, увидел, сколько тут приезжих людей, задумался. В тот же день позвонил в обком партии, попросил совета. Решили так: пусть сама Мария Савченко поедет в колхозы и расскажет о своей работе.

Первым посетила Мария Савченко колхоз имени Коминтерна (теперь — укрупненный колхоз имени Кирова). Колхозники встретили знатную доярку, как дорогую гостью. Коваленко, заведующий животноводческой фермой, водил ее по колхозному хозяйству, показывал помещения, машины для подготовки кормов, лучших рекордисток. Савченко внимательно слушала рассказ, пытливым глазом осматривала хозяйство.

Вечером в колхозном клубе собралось много людей. Пришли все доярки, телятницы, фуражиры, зоотехники...

На трибуне лежали густо исписанные листки бумаги, содержащие все необходимые данные: подсчеты рационов, количество надоенного молока от каждой коровы своей группы, яркие, убедительные факты из практики своего колхоза и передовых животноводов других районов и областей, цитаты из научных трудов выдающихся ученых-животноводов страны. Все было в конспекте. Но Мария Савченко, поднявшись на трибуну, отодвинула в сторону свой конспект, поправила платок на голове, сказала спокойно и просто:

— Целый день ходила я по вашему хозяйству, знакомилась с делами на ферме, беседовала с руководителями и с рядовыми колхозниками. И создалось у меня такое впечатление: плохо вы, товарищи, хозяйничаете, очень плохо!

В зале было тихо, лица всех присутствующих обращены к трибуне, к простой женщине в платке. Руководитель фермы Коваленко даже шею вытянул, задвинулся на стуле.

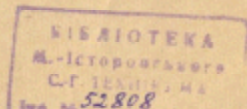
А Мария Харитоновна продолжала произносить слова, одно другого горше и убедительнее:

— Вот руководители вашего колхоза жаловались мне: низкий удой, не умеют, мол, наши девушки как следует доить коров. А как же могут девушки повысить удой, если летом коровы питаются только на пастбище, пощипывают сухую траву, сожженную солнцем? Но ведь этого явно мало.

— Верно, Мария Харитоновна, твоя правда! — громко сказала молодая доярка, сидевшая в заднем ряду. — Нас не слушают, сколько ни говори!

— А какие у вас помещения для коров, — продолжила Савченко. — Тесные, мрачные, ни воздуха в них, ни солнца. Посмотришь — и сразу сделаешь вывод: не любят в этом колхозе животных, не заботятся о них. А корова на такое к себе отношение отвечает снижением удою. Вот так.

Долго рассказывала Мария Харитоновна о ферме своего колхоза, о том, как ведется кормление зимой и летом. Много вопросов задавали с мест, на все отвечала,

а потом попросила, чтобы выступили доярки, рассказали о своей работе. Не по себе было кое-кому из работников колхоза в тот вечер! Критиковали, невзирая на служебное положение.

А Мария Савченко, возвратившись домой, написала статью в газету и еще раз покритиковала руководителей колхоза за то, что запустили они свою животноводческую ферму.

Долго после этого вспоминали колхозники:

— Простая женщина, а гляди, как умеет смотреть в кореня! Все видит, такую вокруг пальца не обведешь, Государственный человек!

Через некоторое время в село Токари-Бережки на имя Савченко пришло письмо из колхоза имени Коминтерна. Доярки писали, что после того памятного вечера правление колхоза начало строительство нового коровника и решило организовать кормление коров по ее методу.

А Мария Харитоновна уже собиралась в Прилуки. Там как раз проходило совещание колхозных доярок, когда она приехала. Приветствовали ее долго и горячо. Выступила на этом совещании знатная доярка, а на другой день поехала по колхозам. Не только рассказывала о своих методах, но и внимательно расспрашивала доярок об их работе.

Возвратилась из поездки домой переполненная свежими впечатлениями и сразу же направилась к председателю колхоза. Запальчиво сказала:

— Пора и нам организовать электродоение. Отстаем мы в этом деле, вон люди уже обогнали.

Кое-кто из молодых доярок возражал:

— И для чего оно, электродоение? Увидите — корова не отдаст молоко, это уж точно...

Вспомнила тут Мария Харитоновна, что в свое время и она почти те же самые слова высказывала секретарю партийной организации колхоза Ивану Гайдашу (в селе Токари-Бережки фамилию Гайдаш имеют многие жители).

Как-то Иван Гайдаш сказал Марии Савченко:

— Присмотрел я, Мария Харитоновна, хороший двигатель в области, хочу просить правление купить его. Надо иметь свое электричество. Поддержи мое предло-

жение. Учи, передовые доярки страны уже перешли на электродоение...

Мария согласилась с тем, что селу нужно электричество, но вот насчет электродоения... Разве молоко хуже от того, что его надаивают руками?

Велика была сила привычки.

Долго беседовали они тогда. Гайдаш дал ей брошюру об опыте передовых доярок республики, советовал внимательно ознакомиться и высказать свое мнение.

Не раз они потом говорили еще об этом. И секретарь помог ей преодолеть силу той старой привычки. И вот теперь, после поездки, она решила, что время настало.

Терпеливо и убедительно разъясняла Мария Харитоновна дояркам преимущество электродоения перед ручным, приводила примеры увеличения производительности фермы, где уже введена новая, механизированная система доения.

И через несколько дней председатель колхоза Тернух послал своего представителя за оборудованием.

Все виденное в других колхозах, все достижения передовиков животноводства переносила Мария Савченко на свою ферму. Приемщик записывал в тетрадь новые и новые тысячи литров молока, надоенного трудолюбивой дояркой.

И вот конец года. Подбиты итоги, проверены подсчеты: 6300 литров от каждой из восьми коров! Это было в 1948 году.

Марию Савченко хорошо знали люди, любили ее и, когда начались выборы в Верховный Совет, с радостью отдали ей свои голоса.

А вскоре в село Токари-Бережки радио принесло восторженную весть: доярке Марии Харитоновне Савченко присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Так увенчался доблестный труд колхозницы-патриотки.

Со всех концов страны — из Полтавы и Свердловска, из Прилук и Саратова, из колхозов и совхозов приходили телеграммы с поздравлениями и пожеланиями новых успехов во славу родной Советской Отчизны.

Среди многочисленных телеграмм была одна, особенно взволновавшая и обрадовавшая Марию Савченко. Слова и снова перечитывала строки, оттиснутые крупными буквами на бумаге с отметкой «Правительственная»:

ЛЕБЕДИН, СУМСКОЙ ОБЛАСТИ,
КОЛХОЗ «ЧЕРВОНА ЗОРЯ»,

ДЕПУТАТУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УССР, ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ДОЯРКЕ ТОВ. САВЧЕНКО М. Х. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОЛХОЗА ТЕРНЮКУ Э. Д.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С УСПЕШНЫМ ВЫПОЛНЕНИЕМ ОБЯЗАННОСТЕЙ, ВЗЯТОГО ВАМИ ПО ПОЛУЧЕНИЮ ВЫСОКОГО НАДОЯ МОЛОКА НА КАЖДУЮ КОРОВУ В 1948 ГОДУ, А ТАКЖЕ С ВЫПОЛНЕНИЕМ ПЛАНА РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА ПО КОЛХОЗУ. ДОСТИЖЕНИЕ ВАМИ ТАКОГО ВЫСОКОГО УДОЯ МОЛОКА ПОКАЗЫВАЕТ, КАКИЕ НЕИЩЕРПАЕМЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИМЕЮТСЯ В КОЛХОЗАХ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РОСТА ПРОДУКТИВНОСТИ КОЛХОЗНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА.

ВАШ ПРИМЕР ДОСТОИН ПОДРАЖАНИЯ ВСЕМИ РАБОТНИКАМИ ЖИВОТНОВОДСТВА КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ.

ЖЕЛАЕМ ВАМ УСПЕХА В ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЕ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ УССР Д. КОРОТЧЕНКО	СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КП(б)У Н. ХРУЩЕВ
--	---

В дом прославленной доярки входили старые и молодые колхозники, ученики школы и все горячо поздравляли ее с высокой наградой.

Под воскресенье зашел к ней Кондрат Савченко, дед Марии. Снял шапку, поклонился, промолвил торжественно:

— Спасибо, внучка, за славу, которую завоевала всему нашему колхозу.

Мария Харитоновна сердечно благодарила людей за поздравления, а в голове у нее уже были мысли о будущем годе, о том, как осуществить новые задачи, поставленные перед колхозом, фермой. Она не хотела и не умела любоваться достигнутым, она жила будущим.

За две недели, проведенные мной в селе Токари-Бережки, я не раз слышал один и тот же вопрос: в чем секрет успехов доярки Марии Савченко? А успехи у нее действительно замечательные. Красноречивее всего говорят о них цифры. От каждой закрепленной за ней коровы она получила: в 1945 году—4567 литров молока, в 1946—5301 литр, в 1947—5810, в 1949—6136, в 1951—6852, в 1957—8239, в 1959—8905 литров.

В чем же секрет? Я слышал, как отвечала на этот вопрос сама Мария Харитоновна:

— Успех достигается многими хозяйственными мерами, и главная из них — кормление животных. Корма — вот ключ к цели.

Легко сказать эти слова, но трудно, ой как трудно достигнуть такого успеха! Кто подсчитает, сколько недоспано ночей, сколько дней истрчено на собиpание по крупнице золотого опыта лучших доярок и скотоводов! Движение за высокие удои охватило все колхозы страны, с каждым днем наука подсказывает новые пути к успеху, нужно все перечитать, все знать...

Так, все знать... Доярка должна заботиться, чтобы ее коровы имели круглый год вдоволь свежих зеленых кормов. Что это значит? А значит то, что Мария Харитоновна сама ходит в поле и следит, своевременно ли прополота кукуруза, не пора ли косить суданку. До всего ей есть дело, потому что она хочет, чтобы количество молока увеличивалось с каждым днем.

Выгонят летом коров на выпас — Мария Харитоновна и тогда не успокаивается. Ничего, что подножного корму достаточно, она обязательно подбросит корове чего-нибудь вкусного. Для чего? А для того, чтобы больше было молока в бидоне...

Или взять кормовой рацион, в котором обязательно должны быть не только необходимые питательные вещества, но и витамины в нужном количестве. Однажды сказала Мария Харитоновна о витаминах молодой доярке из Полтавщины, та даже засмеялась:

— Витамины? Откуда же узнать, сколько их есть в траве?.. Я отродясь не видала витаминов...

Мария Харитоновна терпеливо объяснила молодой девушке принципы составления полного рациона, посоветовала, что читать на эту тему.

Идеальная чистота в помещении, где доят коров,— закон для Марии Савченко. Одна пожилая доярка, которая ревниво следила за успехами своей знатной зем-

М. Х. Савченко проводит занятия в школе передового опыта

лячки, пришла к ней в коровник и, увидев чистые салфетки и халаты, поморщилась:

— Это уже слишком... Наши матери...

— Что наши матери? — перебила ее Мария Харитоновна. — Наши матери не так доили коров? Так они не имели возможности придерживаться такой чистоты в коровнике, не надевали таких чистых халатов, вообще без халатов доили. Но то были времена старые, темные, бедные. И надои тогда были жалкие... Сейчас другие времена. Коммунизм строим!

Я был в помещении, где стоят коровы Марии Харитоновны, и видел не только чистые халаты, салфетки и новенькие дезинфицированные подойники, но и прекрасно оборудованные кормушки, автопоилки, скребковый транспортер, автоматические подогреватели воды,

электрические фонари, минеральные приправы рациона для стельных коров — костяная мука, мел и соль. Все трудовые процессы теперь тут механизированы.

Однажды я присутствовал на занятии, которое Мария Харитоновна проводила с молодыми девушками, пожелавшими после окончания десятилетки стать доярками. Все слушали внимательно. Но вот одна девушка бросила реплику:

— Разве обязательно делать массаж вымени у коровы? Если у нее есть молоко, она и так отдаст его...

Мария Харитоновна продолжала спокойно рассказывать о том, как она доит корову, на реплику сразу не ответила.

— Доярка должна стараться, чтобы корова отдала все молоко без остатка. Это имеет большое значение для будущей молочности коровы. Будете оставлять молоко в вымени — не добьетесь успеха.

А сейчас скажу о массаже. Кое-кто считает, что это так просто, от нечего делать ввели мы тот массаж. Не так это, девчата! Массаж просто необходим. Без массажа вы ежедневно будете недобирать по двести, а то и по триста граммов молока. Нетрудно подсчитать, сколько это составит за год. Проверьте это на опыте и тогда мне скажете... Нужно учиться бороться за каждую капельку молока: из капельки складываются бидоны, из бидонов — цистерны.

* * *

А вот рассказ о сегодняшнем дне:

— Марию Харитоновну называют у нас мастером большого молока. Хорошо сказано, точно. Она надоила очень много молока, второй миллион литров «разменяла»... Это, я вам скажу, похоже, что народная сказка о молочных реках начинает сбываться! И вот если так призадуматься, то напрашивается вопрос: сколько же нужно человеку? Наша Мария заслужила широкую славу — у нее три ордена Ленина, медали трудовые, две звезды Героя, она депутат Верховного Совета... Ну, что еще сказать? Есть все, о чем может только мечтать человек, — трудом своим она заслужила. А наша Мария

какая-то неутомимая! Побывала в 1959 году в Москве, на декабрьском Пленуме ЦК партии, приехала домой — и сразу в бой!

— По дорогой цене сдаем государству молоко, надо перестраиваться!

Просит созвать правление колхоза, беседует с руководителями артели: «А сколько стоит наш литр молока? Стоит он сорок две копейки, а надо, чтобы мы давали тот литр максимум по двадцать копеек».

Задала она работу членам правления, всем колхозникам! Сказала, что так работать дальше не может. Раньше она доила двенадцать коров, а теперь сказала, что берет себе тридцать шесть!

— Тридцать шесть? — удивленно переспросили у нее члены правления. — Будешь одна доить тридцать шесть коров?

— Да, одна. И мои подружки пойдут за мной. Только нам для этого вот что надо...

И пошла, и пошла. Необходимо дополнительное количество доильных аппаратов — раз, специальный трактор для работы на ферме — два, полная механизация кормового цеха — три...

Началась подготовка к переходу на новые формы работы. И тут, я вам прямо скажу, не обошлось без трудностей. В большом деле всегда бывает трудно, это известно... Доярка Надя Калашникова услышала, что надо будет теперь обслуживать тридцать шесть коров, — ахнула. Разве заработаешь теперь столько, сколько раньше? А где рук набрать? Рук у нее только две.

— Мы ведь доим сейчас аппаратами, — говорит ей Мария Харитоновна. — А насчет заработка ты не беспокойся...

Не дослушала Надя, сняла халат и ушла из коровника. Ушла и не вернулась. Но она просчиталась! И это случилось с ней потому, что недоучла выгод механизации... Мария Савченко и ее подружки смело взялись за дело, и их заработок не снизился, а вырос. В 1959 году Мария Савченко заработала 15 тысяч рублей, а в 1960 году получила более 18 тысяч.

Надя Калашникова еще молчит, но я так думаю, что она в душе расквашена, только гордость ее удерживает

признаться перед людьми. А чего тут упрячиться? Ну, ошиблась, погорячилась, ведь мы ее уважаем за прошлое, будем и впредь уважать, ведь она обязательно вернется на ферму, вот увидите...

Так я все это веду к тому, что у нашей Марии Харитоновны, знаете, есть такая драгоценная черточка — верить в новое, в то, что подсказывает время, жизнь, в то, что поддерживает в народе наша партия.

В начале прошлого года в республиканских газетах было опубликовано ее обращение ко всем дояркам переходить на доение больших групп коров. Новаторский почин поддержали многие доярки республики и ЦК КПУ в специальном решении.

В январе 1961 года Мария Харитоновна снова в Москве. Ее опять пригласили на Пленум Центрального Комитета КПСС. В штаб нашей партии. Она — на трибуне. Ее слушают с огромным вниманием и часто аплодируют. Ей аплодируют прежде всего за то, что она — хозяйка своего слова. Она обязалась надоть от каждой из 36 коров по 6000 килограммов молока, а надоила по 6462.

— Валовой удой, — говорила доярка на Пленуме, — увеличился по сравнению с 1959 годом на 113 тонн и достиг 220 тонн. Себестоимость молока значительно снижена... И самое главное, на мой взгляд, что меня особенно радует, — это то, что мне удалось добиться от взятых в мою группу новых коров дополнительного надоя от каждой коровы по 2500 килограммов молока и что и эти коровы теперь стали высокоудойными.

Ей аплодировали и за то, что она решила подняться на новую, более высокую ступень. Ей аплодировали за трудовую доблесть.

И последний рассказ:

— Вы уже, наверное, слышали, что к нам в село из разных мест Союза приезжает много людей, желающих поучиться у Марии Савченко. Хороший то признак, когда много людей хочет учиться. Да, но я не об этом. Люди едут — хорошо! Возникла идея организовать у нас в селе школу передового опыта. На специально выстроенном домике вблизи фермы появилась вывеска: «Школа по изучению опыта Героя Социалистического Труда М. Х. Савченко».

Прошло некоторое время, и в этом помещении стало шумно: из разных районов здесь собралось двадцать пять доярок. Они много читали о работе знатной доярки Украины, но всем им хотелось лично познакомиться с ней, на месте изучить ее метод, посмотреть на все своими глазами.

Наша Мария как родных сестер встретила молодых учениц. По опыту своей жизни знала, что наука дается нелегко.

Некоторые девушки опасались, что им дадут самых худших коров для практики: ведь не поставишь же неопытного человека сразу к рекордистке. Но вот Мария Харитоновна усадила девушек за стол, рассказала им о своем методе доения, потом повела на ферму показывать коров. Прохаживаясь по просторному и светлому помещению, они обменивались впечатлениями. Зорким глазом следила за ними Мария, будто кого-то искала...

Одна из доярок, Надя Макушенко, увидев рекордисток, которые славились на весь Союз, долго стояла молча. В ее глазах светился задорный огонек. Савченко подошла к девушке и сказала:

— Ну-ка, Надя, бери подойник. Даю тебе любую, можешь донть Резвую или Магнитку.

Надя разволновалась. Она знала, что корова Резвая — абсолютный чемпион Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1957 года, давшая за лактацию 12 тысяч 145 литров молока. У девушки даже руки задрожали.

— Не волнуйся, — сказала ласково, по-матерински, Мария. — Я для того и нахожусь здесь, чтобы подсказать вам, помочь. Приступай.

После этого все молодые доярки поняли, что попали они в хорошую школу, к хорошему учителю, для которого нет более важной задачи, как умножить число опытных доярок.

Вот уже более двух лет работает у нас школа передового опыта, много доярок побывало здесь, и многие из них, уезжая домой после курсов, получили дипломы мастеров высоких удоев.

Как-то на улицах села Токари-Бережки появились афиши:

«Сегодня демонстрируется кинофильм о мастере высоких удоев Марии Харитоновне Савченко».

По-праздничному одетые люди шли в Дом колхозника, появился гармонист, молодежь стала танцевать. Пришла посмотреть новый фильм и Мария Харитоновна.

Звонок зазывает людей в зал. Тухнет свет, и на экране люди видят свое родное село, лица своих земляков.

— Да это же Павло,— крикнул кто-то,— посмотрите, Павло!

Павло, видно, тоже сидит в зале, потому что из угла слышно: «Смотри, никогда не думал, что у меня такая деликатная походка...»

Вот крупным планом появляется на экране Мария Савченко. Люди приветствуют аплодисментами и ту, что на экране, и ту, что сидит рядом. Мария Харитоновна застенчиво улыбается: и приятно, и непривычно смотреть на себя со стороны... Наклоняет голову и не поднимает ее, пока не стихают аплодисменты.

Такая она и есть — не любит говорить о своих успехах, о своих достижениях. Даже тогда, когда спрашивают, говорит о себе скупо, как будто нехотя. Однажды спросили Марию Савченко, имеет ли она последователей и переписывается ли с ними. Мария Харитоновна улыбнулась:

— Есть последователи, да еще какие бедовые! Одни по пятам идут, а есть и такие, что еще год-два — и, смотри, догонят, а возможно, и перегонят. А о переписке я так скажу: не могу одна справиться, люди помогают...

Люди помогают... А она помогает людям. Сколько раз выступала перед доярками, на слетах и совещаниях, передавая свой опыт. Простая, скромная, она и говорит просто, ее понимает каждая девушка, каждая женщина. Такую простую и задушевную видели ее в селах Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, куда она ездила в разные времена.

Будучи в Германии, Мария Харитоновна пригласила крестьян одного государственного хозяйства приехать в Токари-Бережки. Немецкие крестьяне дали согласие.

Однако она не думала, что эта встреча может состояться так скоро. Занималась по хозяйству в стареньком платье и вдруг увидела: возле дома остановилось несколько автомашин и во двор вошли немецкие друзья.

Покраснела хозяйка, оглядев свою рабочую одежду, а гости улыбаются, «гут, гут» кричат. Скоренько переоделась, пригласила гостей в дом, угостила, все потом упрекала себя, что встретила их в рабочей одежде. Но когда прочитала статью о поездке немецкой делегации на Украину, то ахнула: немцам больше всего понравилось, что хозяйка была одета по-домашнему и что у нее в доме много всякого добра. Один делегат так и написал: хороший хозяин не надеет праздничной одежды, когда занимается уборкой в доме...

Когда Мария Харитоновна получила вторую золотую звезду, к ней пришли пионеры и передали приветствие от всех детей района. Волнуясь, мальчик несколько раз сказал слово «слава». Благодаря за поздравление, Мария Харитоновна, между прочим, сказала детям:

— Меньше говорите о славе, не гонитесь за ней, она к вам сама придет, если будете честно работать и безгранично любить свою Родину...

Возможно, высказывая эту мысль, она имела в виду и себя: она никогда не гналась за славой, а всегда честно и самоотверженно работала и работает для блага народа, безгранично любит свою Родину, и слава пришла к ней большая, заслуженная.

Однажды Мария Харитоновна сказала:

— Часто вспоминаю встречи с Никитой Сергеевичем Хрущевым, много думаю о нем. Вот так надо трудиться для народа!

И она рассказала об одной из бесед с Никитой Сергеевичем, состоявшейся давно, когда он работал на Украине.

— Могу сказать, что всегда ощущала поддержку в своей работе со стороны партии и в особенности от Никиты Сергеевича. Он не только одним из первых поздравил меня с трудовым успехом, он много раз беседовал со мной, давал советы, направлял.

Однажды я ехала в Москву вместе с другими передовиками сельского хозяйства, в этом же поезде ехал и Никита Сергеевич. Только поезд отошел от вокзала,

к нам вдруг заходит в вагон товарищ Хрушев. Приветливый, простой, улыбающийся.

— Здравствуйте, товарищ Савченко,— сказал он и подал мне руку.

И началась между нами беседа. Он хотел все знать, обо всем расспрашивал. Это были не те вопросы, которые иногда задают некоторые руководители больше для формы, для порядка. Нет, Никита Сергеевич глубоко

М. Х. Савченко (третья слева) среди участников совещания передовиков сельского хозяйства в г. Сумах

вникал в существо дела, расспрашивал с душевной участливостью человека, которому дороги крупницы всенародного опыта строительства коммунизма. Никогда он не удовлетворялся общими ответами, всегда просил рассказывать конкретно, называть фамилии людей, приводить цифры.

В этот вечер он побеседовал с каждым, потом пригласил всех нас к себе на ужин...

Нравится мне в нем главная черта — никогда не отгораживаться от людей, всегда быть с ними заодно, служить интересам народа. Если бы меня спросили, за что его так любит народ, я бы ответила — за то, что он любит народ.

Уже в Киеве, вернувшись из Токарей-Бережков, я нашел томик Панаса Мирного и прочитал такое:

«Небольшие человеческие жилища поразбросаны то там, то тут, точно притались одно от другого, как от злого надсмотрщика... И люди, живущие в тех жилищах, понуры и хмуры, немые и молчаливые, бродят, как тени, по горам и оврагам, выходят на широкие поля, на пышно-зеленые долины не светом белым любоваться, не песни веселые петь, а поверять буйному ветру свой тяжелый вздох, свои слезы кровные...»

Так писал когда-то классик украинской литературы о хуторах Токари и Бережки, о жителях этих хуторов. Какой грустью, какой болью веет от этих горьких слов! Все это было давным-давно...

Мы часто говорим «давным-давно», забывая, что люди разных возрастов меряют время каждый своим мериллом. Да, для молодежи это действительно было очень давно, в глубокой давности...

Сорок два года — это много, если тебе двадцать или даже двадцать пять лет, но если тебе шестьдесят, кажется, что этот срок мал, будто все было вчера. В блокнотах, исписанных мною в Токарях-Бережках, немало записей о прошлом, о том черном мире, который рухнул под ударами октябрьского грома. Откровенно говоря, мне не хочется утруждать читателя выкладками из истории: куда приятнее и писать и читать о сегодняшнем. И все же я расскажу об одном эпизоде, который произошел в 1941 году.

Вместе с танками, тягачами и мотопехотой — всеми этими атрибутами гитлеровского «блицкрига» в село Токари-Бережки в 41 году прикатил родственник графа Капниста — не то внук, не то правнук. У знатного отпрыска было желтое лицо, злые губы, говорил он на каком-то непонятном языке — и не русском, и не немецком, и не украинском. В дрожащих руках потомка — старинный план поместья, где было точно указано количество лесов, лугов, пахотной земли, виноградников. Капнист-младший верил, что все это возвращается ему навсегда. Он уже видел на берегу Псела белый замок, псарню, охотничьи облавы на зверя в об-

ширных лесах, села с рабами, которые исправно платят побор...

Подобострастный полицай согнал стариков и старух Токарей-Бережков, приказал им строить дом для пана. Пусть пока небольшой, но обязательно белый и с резными ставнями. Капнист-потомок шепнул полицая, чтобы тот распорядился приделать к ставням прочные железные прогоны: так оно будет спокойнее, ведь рядом леса...

Грозно молчали жители села до поры до времени. Но вот, когда узнали, что в лесах горят костры, собрались в крайней хате, закурили. Седовласый дед, позабывший, сколько ему лет, после долгого молчания обратился к своему соседу, тоже древнему старику:

— Помнишь, Лука, как нас угощал граф в 1910 году? Когда мы ходили к нему в гости...

— Расскажи,— отозвался Лука,—немного стал забывать, да тут и помоложе меня есть, интересно им будет. Говори.

И дед рассказал. Как-то прослышали селяне, что граф привез в экономию упитанного симментальского быка, от которого происходил хороший приплод, и пошли всем обществом просить, чтобы граф разрешил случить несколько крестьянских телок. В ответ граф Капнист велел спустить с цепей откормленных собак, натравить их на крестьянских худых коров. Будто злые волки, рвали собаки вымя у испуганных животных, лилась кровь на зеленую траву...

— Помнишь ли, Лука, все это?

— Помню.

— А помнишь, как тужила Одарка, та, что стала потом русалкой?

— И Одарку помню, только ты еще раз расскажи, для всех...

Это был страшный рассказ о сельской красавице Одарке, бедной девушке, попавшейся на глаза старому Капнисту. Он велел привести девушку к себе во флигель, стоявший поодаль от помещичьего дома. В этом флигеле веселился граф. Схватили девушку, связали, притащили к графу. А через месяц ее выпустили. Три дня ходила Одарка по берегам Пседа, пела песни — тужила. А потом бросилась в воду.

— Похоже на то, что снова паук сел на нашу шею,— сказал седовласый и осмотрел всех присутствующих строгим взглядом.

— Похоже,— согласились старики.

— А в лесах хлопцы появились,— сказал он и прищурил лукавые глаза.— Бедовые хлопцы, настоящие. Помогнем им?

— Если хлопцы настоящие, почему и не помочь,— отозвались присутствующие.

Ночью вспыхнул графский дом. Половина села — все мужчины скрылись в лесах. Еще через месяц на сельской площади на сухой сосне висел вниз головой полицай. А на следующий год, когда весь мир заговорил о Сталинграде, отпрыск знатного рода тихонько забрал свои чемоданы и побегал, куда глаза глядят.

Свобода! Она пришла в село Токари-Бережки в результате общих усилий всех народов нашего светлого Союза. От прошлого не осталось и следа — на улицах села поют девушки.

А когда в селах поют девчата — это хороший, очень хороший признак.

Среди этих песен есть одна — о Марии Савченко, славной дочери народа украинского.
